№ 129 Вторникъ. 1-го ноября 1905 года Годъ изданія 66. № 129

МОГИЛЕВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Подписка принимается въ Могилевѣ—въ губернской типографіи, въ магазинѣ общества потребителей, и въ книжныхъ магазинахъ Сыркина и Іоффе, писчебумажныхъ магазинахъ де-Ноткина и І. Л. Шика, и въ парфюмерномъ магазинѣ Зандберга. Розничная продажа производится тамъ же. Въ Гомелѣ подписка и розничная продажа «Мог. Губ. Вѣд.» производится въ кн. магазинѣ Захарьина, въ Оршѣ въ кн. маг. Подземскаго и въ другихъ городахъ въ книжныхъ магазинахъ.

За частныя объявленія, помѣщаемыя въ «Губ. Вѣд.» назначена плата отъ строки петита въ столбцѣ: за 1 разъ 10 к., за 2 раза 16 к. и за 3 раза 20 коп., свыше-же 3 разъ по 5 к. за каждый разъ и каждую строку петита въ столбцѣ, а за объявленія передъ текстомъ плата удваивается.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Газета общественная и литературная.

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 1) На газету «Могилевскія Губернскія Вѣдомости изданіе второе» цѣна 4 рубля въ годъ (для сельскихъ обществъ, начальныхъ сельскихъ училищъ и духовенства 3 руб.), на полгода 2 руб. (для сельскихъ обществъ, начальныхъ сельскихъ училищъ и духовенства 1 р. 50 к.) на три мѣсяца 1 р. 50 к.

2) На оффиціальное изданіе «Могилевскія Губернскія Вѣдомости» (1 разъ въ недѣлю) 3 рубля въ годъ.

3) На оба изданія вмѣстѣ 6 руб., на полгода 3 руб., на три мѣсяца 2 р.

По соглашенію Могилевскаго Губернатора съ Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и Епархіальнымъ Преосвященнымъ, второе изданіе «Мог. Губ. Вѣд.» допущено къ обращенію въ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ Могилевской губ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дѣйствія правительства.—Могилевъ, 1 ноября.—Фельетонъ.—Хламъ.

Быть или не быть Россіи?—Мѣстный отдѣлъ.—Корреспонденціи.—Письма въ редакцію. 1) А. Л.—2) Таранова.

По Россіи.—

Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства.—Театръ и музыка. Н. П. Яснопольскаго.—Смѣсь.—Объявленія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

Въ обращаемыхъ къ правительству заявленіяхъ по поводу происходящихъ безпорядковъ повторяются безпрестанно указанія на искусственное возбужденіе или поддержку ихъ администраціей. Правительство категорически объявляетъ, что со стороны центральныхъ учрежденій всѣ распоряженія клонились лишь къ одной цѣли—поддержанію спокойствія и порядка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда представлены будутъ достовѣрныя свѣдѣнія объ организаціи или поощреніи полицейскими чинами насилій надъ личностью и имуществомъ кого либо, произведено будетъ тщательное разслѣдованіе и всѣ возможныя мѣры къ устраненію повторенія подобныхъ случаевъ будутъ приняты.

Однако, серьезность переживаемыхъ обстоятельствъ должна заставить всѣхъ отдать себѣ отчетъ въ происходящемъ. Какъ бы основательны ни были жалобы и нареканія на дѣйствія отдѣльныхъ чиновъ администраціи и полиціи и, допуская, что они подтвердятся, такая дѣятельность названныхъ чиновъ не могла бы служить единственной или даже главной причиной тѣхъ поражающихъ явленій, которыя происходили въ эти дни на всемъ пространствѣ Россіи. Рядомъ донесеній и сообщеній рисуются совершенно тождественные повсюду ходъ безпорядковъ, внезапность ихъ и сила. Эти свѣдѣнія даютъ основаніе полагать, что люди, утомленные стачками и осутствіемъ порядка и безопасности, не наступившими и послѣ изданія манифеста 17 октября, проявляютъ свое недовольство въ тѣхъ рѣзкихъ и тяжелыхъ формахъ, въ которыхъ обыкновенно совершаются подобныя народныя движенія.

Ко всѣмъ вопросамъ этимъ правительство считаетъ своей обязанностью относиться совершенно безпристрастно и оказывать помощь и защиту въ равной мѣрѣ всѣмъ, кто въ нихъ нуждается, но оно признаетъ невѣроятнымъ, чтобы опасность дальнѣйшаго возбужденія страстей народныхъ массъ не была для всѣхъ одинаково очевидна. Основаніями гражданской свободы должны быть уваженіе къ жизни, собственности и личнымъ правамъ другихъ и повиновеніе законности и порядку. Конечно, при отсутствіи въ самомъ населеніи ярко проявленнаго въ этомъ направленіи настроенія никакія лучшія намѣренія правительства не могутъ возмѣстить этотъ недостатокъ и гражданская свобода, дарованная въ принципѣ, можетъ остаться внѣ всякаго житейскаго примѣненія. Точно также враждебныя отношенія крайнихъ политическихъ партій и безучастіе умѣренныхъ, которое проявилось при обращеніи правительства къ активной ихъ поддержкѣ, создаютъ положеніе вещей неблагопріятное для введенія реформы. Но правительство не можетъ допустить мысли, чтобы русскій народъ или, какая либо его значительная часть сознательно предпочитала безпорядокъ порядку, внутреннее междоусобіе мирному правомѣрному развитію. Поэтому совѣтъ министровъ, вступающій нынѣ въ дѣйствіе, приложитъ всѣ силы къ осуществленію воли Государя Императора. Но надо, чтобы онъ имѣлъ возможность работать, направивъ все свое вниманіе къ успѣшному выполненію возложенной на него задачи. Къ созданію условій, которыя обезпечивали бы возможность такой правильной работы, должны стремиться всѣ тѣ, кто желаетъ развитія началъ, указанныхъ Его Императорскимъ Величествомъ во Всемилостивѣйшемъ манифестѣ 17-го октября.

(Прав. Вѣстн. № 233).

Могилевъ, 1 ноября.

«Не убій!» Такая заповѣдь существовала еще въ ветхомъ завѣтѣ, когда былъ въ силѣ законъ: «око за око и зубъ за зубъ», но съ введеніемъ христіанства и его закона о любви къ ближнимъ—убійство должно бы, казалось, стать невозможнымъ, между тѣмъ примѣры его повторяются все чаще и чаще въ нашъ жестокій, безразсудный вѣкъ.

Покушеніе на убійство губернатора Н. М. Клингенберга—очевидно дѣло революціонной организаціи. Революціонеры считаютъ себя „освободителями“ Россіи, они называютъ себя «апостолами права, не насилія»*), требуютъ для своихъ товарищей полной амнистіи, требуютъ уничтоженія смертной казни вообще—и наряду съ этимъ сами продолжаютъ убійства...

Они находятъ, что „цѣль оправдываетъ средства“. Слѣпые! Какъ будто можно что либо хорошее купить цѣною преступленія, цѣною отнятой у другого человѣческой жизни.

И какъ глубоко расходятся заботы *о свободѣ личности* каждаго съ понятіемъ объ убійствѣ!

Намъ кажется, что эти злые люди ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ преступниковъ и убійцъ. За эти преступленія слѣдовало бы и судить обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ. Напрасно „политическіе“ убійцы прикрываютъ свои злодѣянія политическою цѣлью, стараются возвести скрытыя убійства изъ за угла въ гражданскіе подвиги. Вѣрнѣе всего, эти люди ни къ какой созидательной работѣ не способны, а способны только уничтожать и разрушать.

По цензурнымъ условіямъ мы не знали и не знаемъ до сихъ поръ обстоятельствъ политическихъ преступленій, мы не слышали рѣчей революціонеровъ и ихъ оправданій. Но позволимъ себѣ предложить слѣдующій вопросъ.

Теперь, когда даже революціонные кружки пользуются свободой организаціи и проповѣдыванія своего ученія, имѣютъ даже свои печатные органы, неужели путь убійствъ

*) См. передовую статью «Сына Отеч.» въ № 216.

ХЛАМЪ.

Маріи Родзевичъ.

Переводъ съ польскаго О. Вишневской.

«Сегодня скончался докторъ Юзвицкій, похороны въ среду. Жду распоряженій. Влодарскій».

Такую телеграмму нашелъ на своемъ письменномъ столѣ среди дѣловой переписки Адамъ Юзвицкій, крупный фабрикантъ и капиталистъ.

Она произвела на него сильное впечатлѣніе, несмотря на то, что онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ не поддерживалъ съ братомъ никакихъ отношеній. Они не только не видались, но даже не переписывались.

Ихъ раздѣляли цѣлые міры привычекъ, вкусовъ, взглядовъ, положенія, состоянія, профессіи, даже пространства.

Ихъ колыбели стояли рядомъ, но едва только они вышли изъ колыбелей, ихъ дороги разошлись и не сходились болѣе. Ихъ родители развелись и подѣлились дѣтьми. Старшій, Адамъ, остался съ отцомъ въ Варшавѣ, а младшаго, Казиміра, забрала мать и увезла его къ своимъ роднымъ куда-то въ глухую провинцію. Адамъ, по примѣру отца, посвятилъ себя торгово-промышленной дѣятельности. Сначала онъ помогалъ лишь отцу, а затѣмъ наслѣдовалъ послѣ него фабрику, взялъ жену изъ семьи крупнаго финансиста, поднялъ и расширилъ дѣло, а теперь, на порогѣ старости, онъ обладалъ милліономъ, солидной фирмой и широкимъ кредитомъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, былъ мужемъ представительной и еще красивой женщины и отцомъ дѣловитаго и практичнаго юноши, который являлся достойнымъ представителемъ фирмы.

Адамъ Юзвицкій гордился своимъ наслѣдникомъ и радовался, что послѣ его смерти фабрика перейдетъ въ надежныя руки. Правда, молодой человѣкъ былъ большимъ поклонникомъ женскаго пола и любилъ подчасъ кутнуть, но такъ какъ онъ былъ молодъ и настолько богатъ, что безъ ущерба для дѣла могъ тратить крупныя суммы на кутежи, то отецъ не огорчался его легкомысліемъ, а напротивъ, даже былъ радъ, что сынокъ его веселится и пользуется всѣми благами жизни.

Адамъ Юзвицкій былъ также доволенъ самимъ собою и гордился своими успѣхами въ дѣлахъ. Только послѣднее время онъ сталъ что-то прихварывать. Онъ переутомился, расшаталъ нервную систему и теперь разъѣзжалъ по разнымъ заграничнымъ курортамъ, лечился и соблюдалъ самую строгую діэту. Жизнь ему въ концѣ концовъ опротивѣла, свѣтскія обязанности наскучили, и на парадные пріемы своей жены онъ шелъ, какъ крѣпостной на барщину, а въ дѣлахъ все чаще пользовался помощью сына. Одна лишь биржа нѣсколько оживляла и возбуждала его, а внѣ биржевой игры ничто и никто не возбуждали его интереса.

«Скончался докторъ Юзвицкій», прочелъ онъ вторично телеграмму. Взглянулъ на адресъ: Кодымно. Что это такое? онъ нажалъ пуговку электрическаго звонка и поручилъ явившемуся на зовъ служащему сходить на телеграфъ и справиться, гдѣ находится данная мѣстность. Затѣмъ онъ подумалъ, что необходимо что-либо отвѣтить. Не послать ли туда сына?.. Онъ брезгливо поморщился. Къ чему посвящать юношу въ свои семейныя отношенія, о которыхъ онъ до сихъ поръ ничего не слыхалъ, да къ тому же родство съ подобнымъ дядей «изъ Кодымны» не можетъ льстить его самолюбію.

Принесли между тѣмъ справку съ почты: Кодымно оказалось небольшимъ мѣстечкомъ витебской губерніи, гдѣ-то тамъ, на концѣ свѣта, медвѣжій уголъ.

Нетрудно представить себѣ, какой врачъ могъ тамъ жить и работать.

Юзвицкій досталъ изъ письменнаго стола географическую карту и не безъ труда отыскалъ на ней Кодымно—оказалось, что оно лежитъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги.

Положительно нельзя туда посылать Роберта, а, однако, необходимо предпринять что-либо, неловко совершенно отказаться отъ своихъ родственныхъ обязанностей.

Быть можетъ, тамъ осталась семья, дѣла, можетъ быть, остались долги,—вотъ вѣдь знаютъ адресъ, телеграфируютъ,—очевидно, братъ оставилъ какое-нибудь посмертное порученіе, далъ, умирая, какія-либо указанія. А можетъ быть, жива еще мать?

Юзвицкій призадумался. Мать!.. Онъ не зналъ ея, не помнилъ, никогда даже не думалъ о ней. Теперь онъ ужаснулся, что такъ случилось. Ба! Отца объ этомъ никогда нельзя было спросить, слишкомъ ужъ это раздражало его. А затѣмъ это ему и на умъ не приходило, до того поглощенъ онъ былъ своими дѣлами. Отецъ даже на смертномъ одрѣ не заикнулся о матери. Умеръ онъ, и никто не предъявилъ правъ на наслѣдство, а онъ не сообщилъ о смерти отца, потому что не зналъ, гдѣ живутъ мать съ братомъ, да и вообще не зналъ, живы ли они...

Теперь, наконецъ, онъ получилъ оттуда вѣсточку—стало-быть, онъ тамъ нуженъ. Быть можетъ, братъ оставилъ вдову и дѣтей. Придется съѣздить туда.

Юзвицкій, наконецъ, рѣшился. Онъ взялъ листъ чистой бумаги и написалъ: «Ѣду, подождите съ похоронами».

Черезъ нѣсколько часовъ онъ сидѣлъ уже въ купе перваго класса и на всѣхъ парахъ мчался въ невѣдомую глушь. Въ карманѣ у него лежалъ туго набитый бумажникъ, такъ какъ онъ собирался сыграть тамъ роль добраго генія и благодѣтеля. Дома онъ не сказалъ никому, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, да, положимъ, никто тамъ и не спрашивалъ его объ этомъ и не интересовался его поѣздкой.

Путешествіе оказалось скучнымъ и утомительнымъ. Почти все время онъ ѣхалъ одинъ, и только подъ конецъ пути къ нему въ купе сѣлъ какой-то господинъ, отъ котораго Юзвицкій узналъ, что Кодымно лежитъ въ десяти верстахъ отъ желѣзной дороги, а также, что это небольшое и очень грязное мѣстечко, но однако, довольно оживленное, благодаря близости стекляннаго завода, расположеннаго въ сосѣднемъ лѣсу.

Мѣсто врача въ подобной мѣстности было сущей ссылкой. Что могло загнать туда его брата: преслѣдованіе судьбы или собственная безпомощность?

Наступилъ уже вечеръ, когда поѣздъ остановился у ближайшей отъ Кодымно станціи. Была поздняя осень, холодный, рѣзкій вѣтеръ свистѣлъ въ уши и дергалъ во всѣ стороны освѣщающіе станцію фонарики. Въ дебаркадерѣ толпились евреи и крестьяне. Первые двигались, суетились и громко разговаривали, а вторые молча, уныло смотрѣли по сторонамъ. Къ Юзвицкому подошелъ возница въ длиннополомъ халатѣ и предложилъ ему свою бричку съ крытымъ верхомъ. «Бричка» оказалась ветхимъ экипажемъ, допотопной конструкціи, запряженнымъ четверкой разной масти и величины невѣроятно худыхъ клячъ.

Юзвицкій, видя, что у него нѣтъ выбора, усѣлся въ бричку, и разнокалиберная четверка бойко взяла съ мѣста, громыхая своей сборной сбруей, но вскорѣ ея рѣзвый бѣгъ сдѣлался болѣе умѣреннымъ, а еще немного погодя клячонки поплелись буквально шагомъ. Возница сидѣлъ гдѣ-то далеко, на невѣроятно высокихъ козлахъ, и все время щелкалъ кнутомъ, кричалъ, причмокивалъ и вообще дѣлалъ видъ, что управляетъ лошадьми и погоняетъ ихъ хотя, въ сущности, онѣ шли среди царящей вокругъ кромѣшной тьмы, какъ хотѣли и куда хотѣли.

Въ полѣ жалобно завывалъ вѣтеръ, и бричка еле двигалась впередъ. Юзвицкій откинулъ кожаныя занавѣски и спросилъ еврея:

— Послушай, голубчикъ, не знаешь ли ты господина Влодарскаго?

— А какъ же! Это вѣдь инженеръ съ нашей фабрики! Такъ ваша милость къ нему ѣдетъ? Его нѣтъ дома.

— Уѣхалъ?

— Нѣтъ, но у насъ теперь большое горе! У насъ теперь всѣ потеряли голову! Ой-ой-ой! Нашъ докторъ умеръ! Охъ! Панъ Влодарскій тамъ, при нихъ, сидятъ... Завтра будутъ хоронить... ой! Всѣмъ горе, всѣмъ трауръ, и евреямъ, и католикамъ, и мужикамъ!

— А у доктора была семья?

— А можетъ быть, ваша милость и есть тотъ родственникъ, котораго ждутъ на похороны? Ой... я угадалъ! Ахъ какая мнѣ честь, что я везу вашу милость... такую важную особу! Но вашей милости тоже большая честь, что у васъ въ семьѣ былъ такой святой!.. Охъ, на свѣтѣ нѣтъ больше такихъ людей. Охъ, что я вамъ скажу, вы сами лучше меня знаете!.. Охъ какое горе для насъ всѣхъ, охъ!..

Юзвицкій не рѣшался больше ни о чемъ спрашивать, онъ стыдился своей неосвѣдомленности, и кромѣ того, восторженныя похвалы еврея, расточаемыя по адресу его покойнаго брата, задѣвали его самолюбіе. Очевидно, никто здѣсь не зналъ, что докторъ былъ братомъ милліонера, словомъ про него здѣсь не слыхали. Это задѣло его за живое.

Какая же здѣсь, однако, глушь!

— Ну, погоняй, живѣе, а то мы и до завтрашняго дня не дотащимся такъ!—прикрикнулъ онъ на возницу.

— Здѣсь много ухабовъ отъ этихъ телѣгъ, что возятъ стекло. Не могу же я трясти такого почетнаго пассажира. Но, проѣхавъ лѣсъ, мы покатимъ быстрѣе чугунки!

Но это оказалось пустымъ хвастовствомъ. Ухабы смѣнились корнями, корни—бездоннымъ пескомъ, а песокъ—невылазною грязью, и лошади продолжали идти шагомъ. Но почувствовавъ подъ колесами грязь, Юзвицкій одновременно ощутилъ ѣдкій запахъ дыму; онъ выглянулъ изъ брички и и при слабомъ мерцаніи рѣдкихъ фонарей увидѣлъ по обѣимъ сторонамъ болотистой улицы два ряда низенькихъ домиковъ. Онъ напрягалъ зрѣніе, чтобы получше ознакомиться съ физіономіей мѣстечка, но во мракѣ передъ нимъ вырисовывались лишь неясные контуры домовъ и заборовъ. Проѣхавъ длинную улицу, они свернули на площадь, среди которой торчала какая то башня, обсаженная деревьями,—очевидно, костелъ. Затѣмъ снова свернули налѣво и поѣхали по немощеной улицѣ, окаймленной небольшими домиками и заборами. Вскорѣ колымага остановилась передъ какимъ-то крыльцомъ, и возница сказалъ:

— Это домъ доктора.

Юзвицкій заплатилъ, что слѣдовало еврею, взялъ въ руки чемоданъ и съ замирающимъ сердцемъ поднялся по ступенькамъ крыльца. Его мучила неизвѣстность, кто тамъ въ домѣ ожидаетъ его.

Очевидно, стукъ подъѣхавшаго экипажа былъ услышанъ обитателями домика, такъ какъ Юзвицкій не успѣлъ еще позвонить, какъ дверь раскрылась и на порогѣ показался высокій, широкоплечій мужчина со свѣчею въ рукахъ.

— Навѣрно, г-нъ Юзвицкій?—освѣдомился онъ.—Я Влодарскій. Мы давно уже ждемъ васъ. Г-жа Юзвицкая предупреждена, что вы должны пріѣхать.

Юзвицкій ничего не отвѣтилъ, снялъ пальто, удивленнымъ взглядомъ окинулъ голыя стѣны убогой, тѣсной передней и направился въ комнаты. Влодарскій пропустилъ его въ открытую дверь, а самъ удалился.

Юзвицкій вошелъ въ небольшую комнату и увидѣлъ тамъ, подлѣ круглаго стола, освѣщеннаго скромной керосиновой лампой, худощавую, сѣдую женщину, которая поспѣшно шила что-то черное. Онъ замеръ на порогѣ, а она опустила на колѣни работу, подняла глаза и спокойно произнесла:

— Ты, Адамъ? Здравствуй!...

Они смотрѣли другъ на друга мгновенье, а можетъ быть, и вѣчность. Ея выцвѣтшіе, обрамленные морщинами, глаза наполнились слезами, а блѣдныя, увядшія губы стали дрожать; а у него въ груди такъ бѣшено стучало сердце, что онъ еле могъ дышать. Наконецъ онъ бросился къ ней и упалъ на колѣни.

— Мама!...

Маленькія, сухія, прозрачно бѣлыя руки нѣжно коснулись его головы, и онъ почувствовалъ на своихъ волосахъ поцѣлуй.

Изъ груди его вырвалось мучительное рыданіе...

На его согбенную голову, уткнувшуюся въ складки траурной одежды, падали жгучія слезы матери.

Она первая прервала молчаніе.

— Спасибо тебѣ, что пріѣхалъ. Это онъ передъ смертью поручилъ Влодарскому вызвать тебя. Позаботился обо мнѣ.

Юзвицкій, наконецъ, пришелъ въ себя, поднялся и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Я ничего не зналъ, ни о чемъ не догадывался. Такъ всю жизнь прожилъ, безъ васъ.

— Всю жизнь!—съ разстановкой шепо-

онн попрежнему считаютъ для себя самымъ необходимымъ, неужели у нихъ и теперь нѣтъ средствъ доказывать открыто и честно справедливость своихъ убѣжденій?

Пора-бы этимъ господамъ перестать гордиться тѣмъ, что изъ ихъ среды выходятъ палачи или убійцы.

Во имя человѣколюбія и справедливости, пора прекратить всякія убійства и уничтожить самую смертную казнь.

Быть или не быть Россіи?

Г-нъ М. П. въ „Словѣ" пишетъ:

Неужели величайшій въ исторіи Россіи день 17 октября 1905 г., который далъ лишь нѣсколько мгновеній счастья истерзаннымъ сердцамъ русскихъ людей, не упразднитъ этого вопроса, а приблизитъ насъ къ роковому его разрѣшенію?

Велико благо свободы, и недаромъ всѣ народы стремятся къ нему, и иногда умираютъ въ борьбѣ, не достигнувъ этого блага. Мы его получили, не дойдя еще до полнаго развитія нашего роста и нашего духа. Но, пріобрѣтя свободу гражданскую, неужели потеряемъ мы еще высшее благо для великаго народа—національную свободу и независимость? Неужели, ставъ на высоту конституціонныхъ государствъ Европы, мы обречены какимъ-то злымъ рокомъ ринуться въ пропасть и въ лучшемъ случаѣ очутиться въ положеніи Турціи или Китая? События этихъ дней повидимому толкаютъ насъ къ тому. Русская революція не хочетъ остановиться на борьбѣ съ несуществующимъ уже режимомъ и, идя дальше, пишетъ на своемъ знамени: междоусобіе и братоубійство. Какъ иначе понять придирки къ отдѣльнымъ выраженіямъ и словамъ манифеста, цѣлый рядъ фактически невыполнимыхъ немедленныхъ требованій и, наконецъ, демонстраціи, соединенныя съ насиліемъ и стрѣльбой, вызывающія все новыя жертвы?

И какъ, съ другой стороны, можно не понимать, что все кажущееся опущеннымъ или неясно выраженнымъ въ манифестѣ—все восполнится и все обнаружится въ первомъ же законодательномъ собраніи, избранномъ отъ всѣхъ слоевъ народа съ цѣлью выработать всеобщую подачу голосовъ. Но крайнія партіи не хотятъ подождать и 3-хъ мѣсяцевъ и мирнымъ путемъ проводить свои взгляды или отстаивать свои интересы. Всякій терроръ ужасенъ и правительство не можетъ и не должно сложа руки, смотрѣть какъ намѣсто похороненнаго террора полицейскаго станетъ терроръ красный, или еще хуже черный—хулиганскій. Съ момента опубликованія манифеста революція сошла съ пути права и стала на путь силы. Будетъ ли она побѣждена благоразуміемъ большинства или штыками, одержитъ ли она верхъ, дни ея все равно сочтены, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ее немедленно смететъ и замѣститъ анархія. Но ясно ли себѣ представляютъ революціонеры не анархисты что такое будетъ анархія въ Россіи?

Анархія въ Россіи—это смерть всему: смерть всякому просвѣщенію, смерть всякому благосостоянію, это конецъ цивилизаціи, сплошной голодъ народа, это потоки безсмысленно пролитой крови, это самоуничтоженіе государства.

Такъ будетъ внутри страны, а что же будетъ внѣ ея? Западной Европѣ не менѣе дороги ея культура и порядокъ, чѣмъ вложенные у насъ милліарды, и чувство самосохраненія заставитъ ее съ оружіемъ въ рукахъ возстать противъ насъ на защиту своихъ правъ и своей безопасности. Будемъ ли мы тогда въ силахъ ей противостоять? Конечно, нѣтъ. И никакому учредительному собранію, никакому новому Минину даже не удастся тогда сплотить раздробленную и разноплеменную страну. Тогда начнется дѣлежъ, и въ той, или иной формѣ—рабство Россіи.

Много грѣховъ и много неправды несъ на себѣ старый режимъ, но простятъ ему все безпристрастные потомки за благое начинаніе Николая II; грѣхъ же самоубійства народу не простится никогда.

МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ.

— Покушеніе на убійство губернатора. Въ субботу 29 октября, около часу дня, въ пріемную г. начальника губерніи т. с. Н. М. Клингенберга явилась дама-просительница, одѣтая въ глубокій трауръ со спущеннымъ на лицо крепомъ и просила дежурнаго чиновника особыхъ порученій В. И. Мальцова доложить губернатору, что его хочетъ видѣть баронесса Мейендорфъ по важному дѣлу. Когда губернаторъ вышелъ въ пріемную, въ этой комнатѣ находились, кромѣ чиновника особыхъ порученій, полиціймейстеръ Я. В. Родіоновъ и еще одна просительница г-жа Морозова, которую губернаторъ выслушалъ первою и поручилъ полиціймейстеру принять отъ нея документъ для выдача полиціей паспорта. Затѣмъ губернаторъ направился къ просительницѣ, назвавшейся баронессою Мейендорфъ. Какъ только губернаторъ приблизился къ ней и спросилъ „что вамъ угодно:", дама эта выхватила семизарядный револьверъ системы Браунинга, моментально произвела одинъ выстрѣлъ въ губернатора въ упоръ и другой, почти безъ промежутка, когда онъ еще стоялъ. Губернаторъ упалъ на лѣвый бокъ. Полиціймейстеръ, принимавшій документы изъ рукъ Морозовой, однимъ прыжкомъ очутился около злоумышленницы и повалилъ ее на диванъ. Послѣ этого между ними началась борьба изъ-за того: кто первый захватитъ упавшій на диванъ револьверъ. На выстрѣлы выбѣжалъ изъ швейцарской курьеръ Яковъ, бросился къ борющимся и ударилъ даму два раза кулакомъ по головѣ. Раненый губернаторъ, лежа, крикнулъ ему: „Яковъ оставь!"; револьверъ почти одновременно попалъ въ руки борющихся и сейчасъ же раздался выстрѣлъ, пуля попала въ диванъ. Наконецъ револьверъ окончательно перешелъ въ руки полиціймейстера, бросившагося затѣмъ къ раненому, а между тѣмъ курьеръ Яковъ задержалъ даму, которой полиціймейстеръ сказалъ: „г-жа Езерская, я васъ знаю, не убѣгайте". Видя, что преступница задержана, В. И. Мальцевъ бросился за ближайшимъ врачомъ д-ромъ М. Г. Яковенко въ губернское правленіе. Задержанная дѣйствительно оказалась женой члена могилевской городской управы Лидіей Езерской. Она заявила, что лично Николая Михайловича Клингенберга не знаетъ, плохое же мнѣніе о немъ составила главнымъ образомъ на основаніи газетныхъ сообщеній и что рѣшилась убить его, желая исполнить долгъ свой, такъ какъ издавна принадлежитъ къ революціонной партіи, успѣхамъ которой Николай Михайловичъ Клингенбергъ всегда препятствовалъ. Злоумышленница отправлена въ тюрьму; по дѣлу производится слѣдствіе.

Послѣ первоначально оказанной помощи, хирургомъ А. М. Долговымъ произведена была Николаю Михайловичу операція, пуля вынута, брюшные органы оказались цѣлы, но повреждена кость. Правая рука прострѣлена у кисти. При больномъ дежурятъ врачи и сестры милосердія мѣстной общины Краснаго Креста.

Въ тотъ же день въ 7 ч. вечера въ канцеляріи губернатора былъ, по желанію чиновниковъ, духовенствомъ братскаго монастыря, отслуженъ молебенъ святителю и чудотворцу Николаю о здравіи болящаго.

На слѣдующее утро, въ воскресенье могилевская городская дума въ экстренномъ собраніи единогласно постановила: поднести могилевскому губернатору Клингенбергу сочувственный адресъ и выразить глубокое негодованіе по поводу злодѣйскаго покушенія на его жизнь.

Адресъ думы слѣдующаго содержанія:

«Ваше Превосходительство Николай Михайловичъ.

Не находимъ словъ, чтобы достаточно выразить наше негодованіе по поводу покушенія на Вашу жизнь. Это событіе тѣмъ болѣе возмутительно, что мы знаемъ Вашу усиленно-напряженную дѣятельность въ приисканіи мѣръ къ предупрежденію въ нашемъ городѣ прискорбныхъ проявленій терроризма имѣвшихъ мѣсто во многихъ городахъ Россіи. Ваши мѣропріятія достигли благотворной цѣли,-мы пользуемся полнымъ въ городѣ спокойствіемъ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ цѣлесообразности Вашихъ распоряженій.

Примите же, глубокоуважаемый Николай Михайловичъ, искреннее наше сочувствіе и сердечную благодарность за Ваши труды. Вѣрьте, что въ данномъ случаѣ мы говоримъ не только какъ гласные городской думы, но и какъ освѣдомленные съ дѣйствительными взглядами населенія города на Вашу плодотворную дѣятельность.

Всемогущій Богъ да даруетъ Вамъ скорѣйшее выздоровленіе. Могилевъ губ. 30 октября 1905 года».

— Бюллетень о состояніи здоровья г. могилевскаго губернатора. 1 ноября въ 12 час. 30 м. Ночь провелъ удовлетворительно. Температура 37,4; пульсъ 92. Перевязка перемѣнена; раны чистыя. Самочувствіе хорошее.

Врачи: Яковенко, Корстенсъ, Щербинскій, Проѣсфрейндъ, Долговъ, Копановичъ, Модестовъ, Семковскій.

— Союзъ учителей. Въ воскресенье 30 октября состоялось первое собраніе учредителей учительскаго союза въ Могилевской губ. На разсмотрѣніе собравшихся, въ количествѣ до 50 чел. учителей мѣстныхъ учебныхъ заведеній низшихъ и среднихъ предложенъ былъ уставъ этого союза, который и принятъ. По дѣламъ союза можно обращаться въ бюро этого союза, которое составляютъ: Ф. Я. Хоментовскій, И. М Мироновъ и Тихомировъ.

— По поводу резолюціи «представителей» г. Могилева. Намъ сообщаютъ, что опубликованное въ Могилевскихъ Вѣдомостяхъ (№ 128) обращеніе г.г. Галиновскаго, Бехли и Твердаго къ губернатору и гр. Витте относительно допущеннаго будто бы администраціей игнорированія манифеста 17 октября вызвало удивленіе большинства мѣстнаго общества, которое готовитъ протестъ противъ права группы лицъ называть себя представителями могилевскаго общества.

— Общество изученія Бѣлорусскаго края. Учредители общества изученія Бѣлорусскаго края извѣщаютъ г.г. членовъ, что назначенное на 6 ноября общее собраніе, въ виду прискорбныхъ событій послѣднихъ дней въ Могилевѣ, на нѣкоторое время откладывается.

О днѣ собранія будетъ сообщено въ „Губ. Вѣд." своевременно.

Корреспонденціи Мог. Губ. Вѣд.

(Отъ собственныхъ корреспондентовъ).

Изъ м. **Дмитріевскаго** *(Самотѣевичи)* намъ пишутъ, что благодаря вліянію проповѣди мѣстнаго священника о. Бекаревича и распорядительности мѣстныхъ властей упорно циркулировавшія слухи о погромѣ местечка въ день Дмитріевской ярмарки *(26 октября)* не оправдались, ярмарка прошла очень тихо.

(Изъ газетъ).

ВАХМУТЪ. 27 октября Вахмутскій уѣздный исправникъ обратился къ населенію города съ воззваніемъ слѣдующаго содержанія: „Призываю васъ, граждане, немедленно прекратить грабежи и насилія надъ евреями, дабы тѣмъ исполнить волю царскую—водворить миръ и спокойствіе на родной землѣ. Въ противномъ случаѣ войска по приказу царя, чтобы заставить выполнить его высокую волю, будутъ дѣйствовать противъ васъ оружіемъ и стрѣлять въ васъ, какъ ослушниковъ его велѣнія. Во имя закона, совѣсти и правды приглашаю всѣхъ, кто взялъ или нашелъ, или оставилъ чужія вещи, возвратить таковыя полиціи. Чужое добро въ прокъ не пойдетъ. Если же при обыскѣ чужія вещи будутъ у кого найдены, тотъ будетъ строго наказанъ закономъ. Исправникъ Федоренко".

Г. Федоренко—бывшій Оршанскій уѣздный исправникъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь, г. редакторъ.

17 октября сего года въ м. Чечерскѣ съ братомъ-помощникомъ разъѣздного чиновника, который пріѣхалъ для отбытія воинской повинности, не желая толкаться на дворѣ волости, по приглашенію нашего знакомаго дѣлопроизводителя волостного суда г. Шеренко, мы зашли въ его комнату, не зная, что у него помѣщается нѣкто г. Свиридовъ, на время призыва; въ квартирѣ этой было нѣсколько приличныхъ евреевъ и другихъ, ожидая очереди вызова для освидѣтельствованія брата моего, какъ вдругъ неожиданно для насъ всѣхъ, влетаетъ г. дѣлопроизводитель Рогачевскаго уѣзднаго воинскаго присутствія Свиридовъ, крича: «Вонъ отсюда, чего забрались» и началъ вытаскивать по одному, давая толчки въ

томъ повторила она.—А теперь и не узнать тебя!

Она сжала руками виски, точно пытаясь заглушить, собрать свои мысли и овладѣть своими чувствами, и произнесла грустно и кротко:

— А я постоянно о тебѣ думала, тосковала и молилась за тебя. Я радовалась, слыша, что тебѣ везетъ въ жизни. Ты такъ свѣжъ еще и моложавъ на видъ.

— Мама, а я увижу его?—тихо спросилъ онъ.

— Вечеромъ его снесли въ костелъ,—шепотомъ отвѣчала мать.

— Отчего онъ умеръ? Вѣдь онъ моложе меня. Можетъ быть... можетъ быть...—тутъ голосъ его оборвался,—быть можетъ, вы не могли спасти его, потому что не хватало средствъ, а я ничего не зналъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы ни въ чемъ не нуждались. И все было сдѣлано, чтобы его спасти, но не было спасенія. Простудился... воспаленіе легкихъ..., въ четыре дня сгорѣлъ... три товарища лечили... да видно такъ ужъ Богу угодно было.

Она охватила руками колѣни и впилась глазами въ противоположную стѣну. Ювзвицкій взглянулъ туда и увидѣлъ небольшую фотографическую карточку, плохо исполненную, очевидно, мѣстнымъ фотографомъ, и обрамленную дешевенькой деревянной рамкой. Онъ сразу угадалъ, что это «онъ», и сталъ внимательно разглядывать его черты.

Съ блѣднаго безжизненнаго снимка на него глядѣли серьезные и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно веселые глаза, губы кротко улыбались, а все лицо, не отличавшееся, однако, красотой, дышало такою силою, добротою и нѣжностью, что при взглядѣ на него свѣтлѣе становилось на душѣ.

— Давно онъ снимался?—спросилъ Ювзвицкій.

— Три года тому назадъ.

— А ему тутъ на видъ не больше тридцати лѣтъ.

— Онъ всегда былъ такой... до послѣдней минуты.

Ювзвицкій повѣсилъ обратно снятую имъ передъ тѣмъ фотографическую карточку брата и только теперь оглядѣлся вокругъ и замѣтилъ простоту и скромность убранства комнаты.

— Мама,—воскликнулъ онъ,—вы тутъ живете, въ такой нищетѣ и бѣдности, а я ничего не зналъ!

Старушка подняла глаза и любовнымъ взоромъ окинула свою комнату. Она была невелика; стѣны ея были покрыты свѣтлыми дешевенькими обоями и кое-гдѣ украшены гравюрами и олеографіями. Мебели было мало, и вся она была старая, немодная и разнокалиберная. Комодъ, столъ, кресло, нѣсколько стульевъ и въ углу ея узкая кровать. Полъ некрашенный чисто вымытъ и кой-гдѣ прикрытъ чистымъ половикомъ. На подоконникахъ въ глиняныхъ горшечкахъ стояли дешевенькіе цвѣты.

Она долго молча глядѣла на знакомые предметы и, наконецъ, сказала:

Быть можетъ, здѣсь и не красиво, не изящно, нѣтъ комфорта, но зато здѣсь каждый день приносилъ мнѣ новую радость, новое счастье. Пятнадцать лѣтъ прожила я здѣсь, не зная горя до этихъ поръ. Сначала мы нанимали этотъ домикъ, а три года тому назадъ намъ удалось, наконецъ, купить его. Обстановку мы пріобрѣтали постепенно, по одной вещицѣ. А счастье все время было такъ безгранично!

— А гдѣ вы раньше жили?

— Раньше... десять лѣтъ мы вынуждены были провести въ Тюмени.

— Вотъ какъ! А раньше?

— Въ N. Онъ тамъ учился. Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ не разставались, вотъ только теперь... но и это ненадолго.

— Зачѣмъ же вы поселились здѣсь, въ этой ямѣ? Какая тутъ могла быть жизнь, какая карьера, что тутъ за практика, какая работа! Пятнадцать лѣтъ, чтобы пріобрѣсти эту развалину и этотъ хламъ!

— Не оскорбляй меня. Намъ хорошо жилось среди окружавшихъ насъ людей и предметовъ и насъ удовлетворяла та работа, которую мы тутъ для себя нашли. Чего бы мы ни пожелали, о чемъ бы ни мечтали, онъ пріобрѣталъ, чтобы онъ ни задумалъ все приводилъ въ исполненіе. Конечно, все это хламъ... конечно... но онъ его любилъ!

Она провела по глазамъ рукою и замолчала.

Адамъ постепенно сталъ приходить въ себя и началъ разбираться въ своихъ ощущеніяхъ. Онъ былъ возмущенъ, что его мать жила въ такой бѣдности. Этотъ старенькій домишко, эта нищенская обстановка, это поношеное черное платье матери, ея огрубѣлыя отъ работы руки, шьющія трауръ, эта рублевая лампа, эта рыночная мебель, эти окошки съ дешевенькими цвѣточками—все это наполнило его душу отвращеніемъ, стыдомъ и гнѣвомъ. Въ его воображеніи стоялъ, какъ живой, этотъ братъ-идеалистъ и неудачникъ, который не сумѣлъ создать комфорта для своей старой матери, которую онъ, однако, какъ будто любилъ и которая въ свою очередь безразсудно любила его.

Онъ, какъ дѣловой, предпріимчивый и энергичный человѣкъ, возмущался подобной халатностью. Но, однако, онъ не рѣшался вслухъ осуждать усопшаго и потому ничего не сказалъ матери и сталъ думать о томъ, какъ онъ увезетъ ее отсюда, какъ дастъ ей роскошь и комфортъ, окружитъ ее любовью и предупредительностью. Затѣмъ, возвращаясь къ текущимъ дѣламъ, онъ сказалъ матери:

— Я пріѣхалъ такъ поздно, что, увы, ничѣмъ не могу быть полезенъ. Все, что я въ состояніи сдѣлать, это взять на себя всѣ расходы. Надѣюсь, вы разрѣшите мнѣ это, мама? Быть можетъ, вы въ долгу у Влодарскаго? Вотъ деньги, берите все.

И онъ положилъ передъ матерью туго набитый бумажникъ.

Старушка грустно улыбнулась, глядя на него, и мягко сказала:

— Не надо денегъ, Адамъ, ничего не надо.

— Надѣюсь, вы не захотите меня обидѣть,—съ горечью произнесъ онъ.

— Нѣтъ, я не хочу обижать тебя. Я вижу, что ты предлагаешь отъ чистаго сердца, но въ самомъ дѣлѣ ничего не надо. Влодарскій объяснитъ тебѣ... Но вѣдь ты усталъ, голоденъ, озябъ, а я совсѣмъ потеряла голову!

Она встала и вышла въ сосѣднюю комнату. Слышно было, какъ она разговаривала тамъ съ прислугой, отдавая ей какія-то приказанія. Вскорѣ она позвала къ себѣ сына.

Онъ пошелъ и увидѣлъ другую столь же скромно меблированную комнату, служившую, очевидно, столовой. Старая служанка внесла на подносѣ ужинъ и съ нескрываемымъ любопытствомъ стала разглядывать гостя.

— Попроси сюда пана Влодарскаго!—сказала ей хозяйка.

Прислуга вышла, а старушка замѣтила:

— Онъ, должно быть, уснулъ. Столько ночей не спалъ, бѣдняжка, сначала ухаживая за нимъ, а потомъ не отходя отъ меня...

— Онъ не родственникъ ли нашъ?

— Нѣтъ, онъ воспитанникъ Казя.

Она придвинула ему блюдо съ жаркимъ, а сама стала заваривать чай.

Сервировка стола была болѣе чѣмъ скромная: на длинномъ, покрытомъ бѣлой клеенкой столѣ была разставлена незатѣйливая посуда изъ фаянса и грубаго стекла, очевидно, мѣстнаго издѣлія. Ювзвицкій посмотрѣлъ на стѣны и замѣтилъ, что онѣ были опоясаны двумя рядами полокъ, уставленныхъ книгами, и обвѣшаны географическими и зоологическими атласами.

Комната произвела на него впечатлѣніе школы и онъ сказалъ это матери.

Старушка покачала головой и прошептала:

— Много прошло черезъ эту комнату мальчиковъ... и много вышло отсюда людей! Шумно бывало... а теперь тихо.

Ювзвицкій хотѣлъ еще о чемъ-то спросить, но въ комнату вошелъ Влодарскій. Они еще разъ поздоровались, и молодой человѣкъ присѣлъ къ столу.

— Я только-что былъ у ксендза,—сказалъ онъ, обращаясь къ старушкѣ,—и мы съ нимъ выработали планъ церемоніи.

— Мама разрѣшила мнѣ взять на себя расходы по устройству похоронъ,—вмѣшался въ разговоръ Ювзвицкій.—Итакъ, я весь къ вашимъ услугамъ. Распоряжайтесь моими деньгами по своему усмотрѣнію и пожалуйста не жалѣйте ихъ.

— Извините,—вѣжливо отвѣчалъ ему молодой человѣкъ,—но это не отъ меня зависитъ и даже не отъ вашей матушки. Доктора хоронитъ Кодымно. А мы съ ксендзомъ и полиціей обсуждали лишь порядокъ церемоніала.

— Какъ это... почему?—съ недоумѣніемъ спросилъ Ювзвицкій.

— «Отца хоронятъ дѣти», такъ мнѣ сказала депутація рабочихъ, явившись ко мнѣ послѣ смерти вашего брата. И ваша мать согласилась, что они имѣютъ на это право.

Ювзвицкій былъ тронутъ.

— Я по-царски вознагражу ихъ за это,—произнесъ онъ.

Влодарскій поморщился, но ничего не сказалъ.

— Отъ Лавриновича нѣтъ вѣстей?—спросила старушка.

— Ничего нѣтъ... Навѣрно, онъ выѣхалъ ужъ. Завтра пріѣдетъ.

— Вы еще кого ждете, мама?

— Да воспитанника Казя, Лавриновича. Онъ тоже врачъ и ужъ третій годъ практикуетъ въ Лодзи.

— Я слыхалъ про него много хорошаго. Говорятъ, способный врачъ и имѣетъ большую практику.

— Его отецъ до сихъ поръ служитъ у насъ на фабрикѣ механикомъ,—отозвался Влодарскій.—Теперь у насъ работаетъ десятка полтора варшавяковъ, а остальные всѣ здѣшніе.

— А развѣ прежде работали одни варшавяки.

— Нѣтъ... прежде здѣсь работали лишь чехи и нѣмцы.

— А много у васъ рабочихъ?

— Триста человѣкъ.

— А вы давно здѣсь служите?

— Около пяти лѣтъ.

— Вы гдѣ получили образованіе?

— Я окончилъ Политехническій институтъ въ Дрезденѣ, затѣмъ практиковалъ въ Чехіи, кромѣ того, пробылъ годъ въ Англіи.

— И здѣсь вы начали свою служебную карьеру?

— Здѣсь началъ и здѣсь окончу. Я изъ школы доктора. Здѣсь выросъ, здѣсь же буду работать и здѣсь умру.—Онъ вздохнулъ и нѣжнымъ, любовнымъ взоромъ обвелъ стѣны комнаты. А затѣмъ обратился къ старушкѣ:—А вы опять ничего не ѣдите! Вѣдь вы обѣщали мнѣ.

— Я пила чай, увѣряю васъ, пила! Но вы оба устали, а такъ ужъ поздно. Пора ложиться спать. Я провожу тебя, Адамъ... Отдохни, дружокъ, воображаю, какъ ты измученъ послѣ такого утомительнаго путешествія...

Она зажгла свѣчу и провела его черезъ переднюю въ угловую комнату, которая, очевидно, была кабинетомъ доктора. Здѣсь на оттоманкѣ была ужъ сдѣлана Ювзвицкому постель.

Мать поцѣловала его въ голову и вышла. А онъ проводилъ ее глазами, удивляясь въ душѣ прямизнѣ ея стана и живости походки.

Когда за ней закрылась дверь, онъ обвелъ взглядомъ обстановку комнаты и убѣдился, что и здѣсь отсутствовали комфортъ и роскошь. Книжный шкапъ, умывальникъ стеклянный шкапчикъ съ инструментами, другой съ домашней аптечкой, письменный столъ, заваленный бумагами и газетами, оттоманка и три стула—вотъ и все убранство кабинета.

На письменномъ столѣ онъ замѣтилъ портреты матери и нѣсколько цѣнныхъ бездѣлушекъ. Между прочимъ онъ обратилъ вниманіе на изящный ножъ изъ слоновой кости для разрѣзанія бумаги, на которомъ были выгравированы слѣдующія слова: „Тюмень, Пересыльная, нашему доктору", а также на желѣзную чернильницу, настоящее произведеніе искусства, украшенную бронзовой надписью: „Слесаря послѣ тифа 1890 г. своему святому".

Ювзвицкій почувствовалъ себя совершенно разстроеннымъ и утомленнымъ новизной ощущеній; онъ легъ и потушилъ свѣчу. Но, однако, онъ долго ворочался съ боку на бокъ не въ состояніи уснуть: этотъ братъ, знакомый ему лишь по плохенькому фотографическому снимку, стоялъ передъ нимъ, какъ живой, а онъ повторялъ ему все одно и то же: „Какъ смѣлъ ты держать мою мать въ такой нищетѣ? Почему не обратился ко мнѣ за помощью?".

Поутру его разбудилъ страшный шумъ подъ окнами,—казалось, словно множество людей бранится и дерется передъ домомъ. Онъ вскочилъ съ постели и сталъ поспѣшно одѣваться; въ это время до его слуха донесся увѣренный голосъ Влодарскаго, старавшагося, повидимому, усмирить бушующихъ людей. Онъ посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ слѣдующую сцену: среди двора стояла толпа извозчиковъ-евреевъ съ шапками въ рукахъ, жестикулируя и крича. Влодарскій что-то объяснялъ имъ, а они, переругиваясь между собою, совали ему въ руки какіе то жестяные значки.

спину и бока. Я и братъ мой ожидаемъ, что будетъ дальше, но г. Спиридоновъ, крича, обращается къ намъ: «Прошу удалиться! чего остались? иначе выведу васъ полиціей» взялъ меня за плечо и кричитъ: уйдите, я вамъ приказываю. Я съ братомъ заявили г. Спиридонову, что онъ можетъ сказать вѣжливо и просить, а не кричать, угрожая полиціей удалить насъ, да къ тому же, насъ просилъ зайти знакомый и мы не знали, что нельзя быть здѣсь, но онъ настойчиво требовалъ: «приказываю, уйдите». Дѣлать было нечего, скрѣпя сердце, пришлось уйти оскорбленными незаслуженно, иначе бы г. Спиридоновъ могъ насъ вытолкнуть въ спину. О поступкѣ г. Спиридонова нами заявлено было г.г. членамъ пріемочной коммиссіи съ просьбой, чтобы г. Спиридоновъ созналъ свой поступокъ, не подобающій чиновнику, и извинился бы предъ всѣми незаслуженно оскорбленными словами и дѣйствіемъ, но г. Спиридоновъ посчиталъ извиняться излишнимъ, говоря, что ему не въ первый разъ поступать такъ съ мирными людьми.

Не знаю, дано ли такое право г. Спиридонову, чтобы онъ могъ набрасываться на людей, ни чѣмъ невинныхъ, не предупреждая вѣжливо уйти, выталкивать за двери. О такихъ поступкахъ прошу отъ имени всѣхъ оскорбленныхъ обратить должное вниманіе.

Начальникъ Лѣсово-Будижскаго почтоваго отдѣленія Иванъ Сергѣевъ **Тарановъ**.

24 октября. ст. Лѣсовая-Буда Мог. губ.

ПО РОССІИ.

— **Похищеніе паровоза**. Въ ночь на 29-е октября со станціи Парголово похищенъ паровозъ, находившійся подъ охраной мѣстной жандармской полиціи. Неизвѣстные люди развели пары въ паровозѣ, стоявшемъ у пассажирской платформы, и угнали его по направленію къ Финляндской границѣ. Станціонный жандармъ имѣлъ перестрѣлку съ вооруженными похитителями паровоза. („Н. В.").

— Министерство народнаго просвѣщенія и министерство внутреннихъ дѣлъ выработали и внесятъ въ комитетъ министровъ **проектъ полной отмѣны ограничительныхъ правилъ о народныхъ библіотекахъ** и читальняхъ. Отнынѣ всѣ книги и періодическія изданія будутъ допускаться безпрепятственно во всѣ народныя библіотеки и читальни, въ библіотеки при начальныхъ школахъ, въ трактиры 3-го разряда и т. п.

— **Доступъ въ университеты семинаристамъ**. Съ цѣлью получить разрѣшеніе свободнаго доступа семинаристамъ въ университеты, оберъ прокуроромъ синода доставлены министру народнаго просвѣщенія свѣдѣнія, что программы духовныхъ училищъ и семинарій подверглись пересмотру и что выработаны проекты новыхъ программъ, представленныхъ уже на утвержденіе синода, которыми общеобразовательный курсъ семинарій совершенно приближается къ гимназическому.

— **Объ упраздненіи чиновъ**. Въ С. Петербургѣ упорно говорятъ о предстоящемъ упраздненіи въ гражданскихъ вѣдомствахъ чиновъ. На различные посты будутъ назначаться лица, извѣстныя своей компетенціей и широкимъ знаніемъ дѣла.

— Въ провинціи, по словамъ нѣкоторыхъ газетъ, **избирательнымъ правомъ** будутъ пользоваться всѣ лица, обладающія имуществомъ стоимостью не менѣе ста рублей.

— «Наша Жизнь» передаетъ изъ достовѣрнаго источника, что чрезъ посредство международныхъ телеграфныхъ агентствъ русскимъ правительствомъ разослано 26-го октября для напечатанія въ иностранныхъ газетахъ оффиціальное сообщеніе, содержаніе котораго сводится приблизительно къ слѣдующему: „Правительство глубоко скорбитъ о происшедшихъ безпорядкахъ и съ печалью принимаетъ всѣ заявленія о нихъ. Оно не отрицаетъ, что въ безпорядкахъ приняли участіе нѣкоторые правительственные органы, неправильно понявшіе смыслъ Высочайшаго манифеста отъ 17-го октября и выступившіе въ роли горячихъ патріотовъ для защиты Престола отъ кажущейся имъ узурпаціи. Правительство приметъ всѣ мѣры къ разъясненію истиннаго смысла реформы и будетъ строго наказывать всѣхъ виновныхъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ сторонниковъ реформы.

— **Всероссійскій почтово-телеграфный союзъ**. По поводу образовавшагося союза почтово-телеграфныхъ чиновниковъ въ № 261 „Вечерней Почты" находимъ слѣдующій откликъ изъ г. Горокъ. „Привѣтствуемъ передовыхъ борцовъ центральнаго бюро всероссійскаго почтово-телеграфнаго союза, просимъ присоединить насъ, тружениковъ, къ этому союзу. Графъ Витте обезпечилъ чиновъ министерства финансовъ правами и матеріально, чѣмъ мы хуже ихъ? развѣ тѣмъ, что въ три раза больше работаемъ, не имѣя смѣнъ и покоя, днемъ и ночью; быть довольными тѣмъ, что насъ называютъ почтовыми клячами, этого мало, за трудовые часы нужна плата и обезпеченіе старости. Чины Горы-Горецкой конторы". Изъ Могилева губ. Союзъ получилъ слѣдующую телеграмму: „Присоединяемся къ союзу. Выборный (Подпись.)" (Веч. Почта № 262).

— Центральное бюро всероссійскаго союза почтово-телегр. чиновниковъ извѣщаетъ, что съѣздъ представителей почтово-телеграфныхъ учрежденій, уполномоченныхъ для окончательной выработки программы союза и предъявленія требованій состоится въ первой половинѣ ноября.

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Россійскаго Телеграфнаго Агентства).

Получена 31 октября въ 4 ч. пополуд.

ПЕТЕРБУРГЪ. *Правительственное сообщеніе.* Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату 12 декабря 1904 г. были предначертаны пути къ постепенному коренному обновленію гражданскаго быта всѣхъ русскихъ подданныхъ. Рядъ мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ во исполненіе сего указа, коснулся также польской народности. Въ основаніе этихъ мѣръ были положены отмѣна исключительныхъ законовъ, стѣснявшихъ свободное развитіе польской національности, и уравненіе ея въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ Россійской Имперіи. Осязательныя послѣдствія такого руководящаго взгляда ближайшимъ образомъ высказались въ указѣ 17 апрѣля о вѣротерпимости и положеніи комитета министровъ 6 іюня, коимъ предуказаны для Царства Польскаго реформы школьная, земская и городская и довершеніе судебной реформы. Точно также распространены на Царство Польское и послѣдующія общегосударственныя мѣры, каковы—созывъ государственной думы и установленіе свободы собраній. Наконецъ, 17 октября поляки въ числѣ остальныхъ подданныхъ волею Государя признаны полноправными свободными гражданами. Начиная съ этого времени для польской народности открылась полная возможность доказать на дѣлѣ свою готовность участвовать совмѣстно съ другими народными представителями въ широкой общей творческой работѣ; тѣмъ самымъ достигалось бы постепенно и собственное дальнѣйшее преуспѣяніе польской національности при содѣйствіи выборнаго учрежденія, которое, конечно, на ряду съ заботами и пользами цѣлаго государства, сочувственно относиться будетъ къ судьбамъ польскаго народа. Но, видимо, не взирая на тяжкія уроки прошлаго, польскіе дѣятели, идущіе во главѣ современнаго политическаго движенія въ губерніяхъ Царства Польскаго, проявляютъ нынѣ вновь столь же опасную для населенія края, сколько дерзновенную по отношенію къ Россіи попытку къ отложенію отъ государства, отбрасывая мысль о предстоящихъ совмѣстныхъ съ русскимъ народомъ трудахъ въ государственной думѣ. Они въ цѣломъ рядѣ резолюцій, провозглашенныхъ на состоявшихся публичныхъ собраніяхъ, требуютъ полной автономіи Польши съ особымъ конституціоннымъ сеймомъ, усматривая въ томъ, ступень къ послѣдующему возстановленію польскаго государства. Въ такомъ стремленіи сходятся двѣ противоположныя группы существующихъ партій—соціалистическая и націоналистическая. Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ нѣкоторые польскіе писатели, публицисты и народные ораторы, увлекая за собою населеніе. Въ разныхъ городахъ Привислинскаго края совершаются многотысячныя уличныя шествія съ польскими знаменами и пѣніемъ революціонныхъ польскихъ гимновъ. На ряду съ этимъ начинается самовольное вытѣсненіе поляками государственнаго языка даже изъ правительственныхъ учрежденій, гдѣ употребленіе его установлено закономъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ банды рабочихъ и крестьянъ громятъ школы, казенныя винныя лавки, гминныя управленія, уничтожая въ нихъ всю переписку на русскомъ языкѣ. Представители мѣстной власти, твердо отстаивая порядокъ и общественную безопасность, уже цѣлый годъ обагряютъ землю своею кровью, падая жертвами политическихъ преступленій. Благоразумная часть польскаго общества безсильна противъ все возрастающаго напора революціонныхъ организацій. Правительство не потерпитъ посягательства на цѣлость государства. Мятежные замыслы и дѣйствія вынуждаютъ его рѣшительно заявить, что пока въ Привислинскомъ краѣ не уляжется вновь вспыхнувшая смута, пока часть населенія, примкнувшая къ политическимъ агитаторамъ, не придетъ въ себя отъ овладѣвшаго имъ увлеченія, до тѣхъ поръ ни одно изъ благъ, вытекающихъ изъ манифестовъ 6 августа и 17 октября сего года не сдѣлается достояніемъ края мятежниковъ въ странѣ. Очевидно не можетъ быть и рѣчи объ осуществленіи мирныхъ начинаній. Для возстановленія же порядка весь Привислинскій край временно объявляется на военномъ положеніи. Такимъ образомъ будущее польскаго народа зависитъ отъ него же самого. Правительство же, имѣя въ виду и впредь охранять неприкосновенность національныхъ правъ польской народности, расширенныхъ недавно изданными законодательными актами, будетъ ожидать политическаго отрезвленія охваченнаго броженіемъ населенія Царства Польскаго, предостерегая его отъ вступленія на опасный путь, къ сожалѣнію, не первый разъ имъ испытываемый.

— Высочайшимъ указомъ всемилостивѣйше повелѣно товарищу министра внутреннихъ дѣлъ тайному совѣтнику Дурново быть членомъ государственнаго совѣта съ возложеніемъ на него управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Получены 1 ноября въ 7 час. утра.

КУТАИСЪ. 30 октября. Въ городѣ и губерніи введено военное положеніе. Правильнаго почтоваго и пассажирскаго движенія все еще нѣтъ.

ЛОНДОНЪ. 30 октября. Одна изъ газетъ опубликовала якобы авторитетное сообщеніе о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ можетъ состояться англо-русское соглашеніе. Согласно этому сообщенію, Россія отказывается отъ притязанія морской державы въ Персидскомъ заливѣ; Англія же соглашается на примѣненіе политики открытыхъ дверей въ Персіи, безъ установленія сферъ вліянія. Англія не будетъ препятствовать торговымъ предпріятіямъ Россіи ни въ южной Персіи ни въ Малой Азіи, ни даже въ Константинополѣ, въ томъ случаѣ, если на это послѣдуетъ согласіе остальныхъ державъ, подписавшихъ трактатъ. Англія не будетъ препятствовать сооруженію Россіей желѣзной дороги на Багдадъ и дастъ удовлетворительныя объясненія относительно неясныхъ статей англо-японскаго договора, особенно статьи 4, касающейся обороны Индіи. Россія требуетъ, чтобы въ соглашеніе былъ включенъ китайскій вопросъ о смыслѣ охраненія интересовъ Россіи въ Китаѣ. Англія обязуется не противиться учрежденной всеславянской федераціи на Балканскомъ полуостровѣ. Несомнѣнно, это сообщеніе не инспирировано съ оффиціальными сферами.

БАХМУТЪ. 31 октября. Организованъ комитетъ для оказанія помощи отъ погрома.

ТОКІО. Рѣшено, что адмиралъ Того посѣтитъ Англію въ главѣ эскадры. Офиці-

---

Влодарскій эти значки перемѣшалъ въ рукахъ и пошелъ съ ними въ домъ. Спустя нѣсколько минутъ онъ вернулся и сказалъ во всеуслышаніе:

— Г-жа Юзвицкая вынула седьмой номеръ. Успокойтесь теперь!

Евреи толпою направились къ воротамъ, спокойно бесѣдуя между собою—ссоры словно и не бывало.

— Что это происходило во дворѣ?—спросилъ Юзвицкій Влодарскаго, встрѣтивъ его въ передней.

— Всѣ они хотѣли везти вашу мать на кладбище. Пришлось кинуть жребій. Я теперь безпокоюсь, какъ доберется сюда Лавриновичъ, а то никто изъ нихъ не поѣхалъ на вокзалъ.

— А далеко кладбище?

— Очень далеко, за фабрикой.

А дроги заказаны?

— Да, и директоръ фабрики далъ для нихъ своихъ лошадей, только я полагаю, что онѣ поѣдутъ лишь для формы, а гробъ люди понесутъ на рукахъ.

Разговаривая, они вошли въ столовую. Тамъ ихъ встрѣтила Юзвицкая, одѣтая въ трауръ, сшитый ею наканунѣ собственными руками. Она была наружно совершенно спокойна, при видѣ сына она попыталась даже улыбнуться, но это ей не удалось, и лишь ея губы болѣзненно передернулись.

Принялись пить чай.

— Ужъ девять часовъ, а Лавриновича еще нѣтъ! Онъ опоздаетъ,—замѣтила старушка.

— А вотъ и онъ!—воскликнулъ Влодарскій, глядя въ окно.

Черезъ дворъ шелъ широкоплечій, изящно одѣтый мужчина, а вслѣдъ за нимъ двое людей несли увѣсистые чемоданы.

Спустя минуту пріѣзжій былъ ужъ въ столовой и, припавъ къ ногамъ старушки, молча, безъ слезъ, безъ вздоховъ, цѣловалъ ея руки.

Послѣ продолжительнаго молчанія онъ сказалъ, наконецъ, дрожащимъ голосомъ:

— Телеграмма о его болѣзни не застала меня въ городѣ, а получивъ ту, другую, я промѣшкалъ два дня, чтобы окончательно урегулировать свои дѣла и не возвращаться туда болѣе.

— Такъ ты останешься здѣсь?

— Останусь. Только бы мнѣ сумѣть замѣнить его.

Онъ глубоко вздохнулъ и поднялся съ полу. Тутъ только онъ замѣтилъ посторонняго и принялъ холодный видъ.

— Это мой сынъ Адамъ,—пояснила ему старушка.

— Лавриновичъ.

Они молча пожали другъ другу руки.

— Пора уже ѣхать!—замѣтилъ Влодарскій.

Старушка одѣла старомодный салопъ и порыжѣлую шляпку, и они вчетверомъ вышли на крыльцо.

Погода разгулялась. На чистомъ небѣ ярко сіяло осеннее солнце, освѣщая, но не согрѣвая землю. Юзвицкій съ любопытствомъ сталъ смотрѣть по сторонамъ, знакомясь съ владѣніями покойнаго брата. Домикъ былъ маленькій, деревянный, покривившійся немного набокъ. Деревянная кровля была покрыта мхомъ. Штукатурка во многихъ мѣстахъ осыпалась со стѣнъ. Развалины!

Передъ домомъ раскинулся громадный, хорошо расчищенный дворъ, который, судя по торчащимъ на немъ столбамъ, былъ мѣстомъ дѣтскихъ игръ и гимнастики, а за домомъ виднѣлся густой фруктовый садъ. Жалкая мѣщанская усадебка!

Передъ домомъ стояли двѣ брички.

— Я номеръ седьмой! Ко мнѣ пожалуйте!—воскликнулъ возница одной изъ нихъ.

Юзвицкая окинула любовнымъ взглядомъ пейсатое лицо своего кучера и сѣла въ экипажъ, рядомъ съ ней помѣстился Адамъ.

Со стороны костела неслись звуки уныло гудящихъ колоколовъ.

Проѣхавъ часть улицы, свернули на площадь, которая въ данный моментъ вся была запружена народомъ. При появленіи Юзвицкой всѣ головы мгновенно обнажились и склонились, привѣтствуя ее. Но никто не произнесъ ни слова, и мертвая тишина нарушалась лишь говоромъ колоколовъ.

Передъ костеломъ стояло много колясокъ и бричекъ.

Когда бричка Юзвицкихъ остановилась у церковныхъ воротъ, нѣсколько пожилыхъ, довольно прилично одѣтыхъ мужчинъ подбѣжали къ ней и почти на рукахъ вынесли старушку. Адамъ подалъ матери руку и повелъ ее въ костелъ. Всѣ уступали имъ дорогу, обнажая и наклоняя головы. У Юзвицкаго отъ волненія быстрѣе билось сердце и что то щекотало въ горлѣ.

Вся внутренность костела была превращена въ хвойный лѣсъ. Посрединѣ, среди зелени и моря свѣта, сѣрѣлъ простой дубовый гробъ.

Не было на немъ ни вѣнковъ, ни лентъ съ надписями.

Первая скамья была свободна—она предназначалась для Юзвицкихъ, а слѣдующихъ нѣсколько были заняты мѣстной интеллигенціей, остальное же пространство было плотно заполнено простымъ народомъ: армяки, сермяги, поддевки и даже еврейскіе халаты братски смѣшались въ общую кучу. Адамъ съ нескрываемымъ удивленіемъ глядѣлъ на эту дружную армію рабочихъ, крестьянъ и мѣщанъ, пришедшую отдать послѣдній долгъ своему доктору. Всѣ они степенно стояли съ угрюмыми и серьезными лицами, не спуская глазъ съ гроба.

Отслужили панихиду. Толпа зашевелилась. Часть рабочихъ окружила катафалкъ. Къ нимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ изъ интеллигенціи, въ томъ числѣ Лавриновичъ и Влодарскій.

Юзвицкая все время тихо молилась, безъ рыданій, безъ стоновъ. Ея губы беззвучно шевелились, а изъ глазъ, устремленныхъ на гробъ съ останками сына, то-и-дѣло выкатывались крупныя слезы и струились медленно по впавшимъ, сморщеннымъ щекамъ.

Но когда люди сдвинули съ мѣста гробъ и, приподнявъ его, на рукахъ понесли къ выходу, она глухо застонала и пошла вслѣдъ за ними, чтобы проводить сына до его послѣдняго убѣжища.

Ударили во всѣ колокола, широко раскрыли двери костела, и ксендзъ, крестъ, хоругви, высоко приподнятый надъ головами гробъ—все это выплыло на рыночную площадь, а выглянувшее изъ-за тучъ солнце освѣтило эту печальную процессію. Толпа хлынула наружу; изъ среды рабочихъ выдѣлилось нѣсколько человѣкъ и, окруживъ Юзвицкихъ, защищали ихъ отъ давки.

Ксендзъ на минуту остановился передъ стоящими у воротъ дрогами, но толпа зашумѣла, заволновалась зарокотала, требуя продолжать шествіе.

— Мы не позволимъ везти его... мы сами донесемъ его останки! Онъ до конца былъ съ нами, и мы до конца не оставимъ его! Долой дроги! Мы на рукахъ понесемъ гробъ!..

Дроги отъѣхали въ сторону. Толпа сплоченной массой окружила гробъ, засверкали въ солнечномъ блескѣ кресты и хоругви, затрепетало тысячами огоньковъ пламя восковыхъ свѣчей, загудѣли всѣ колокола, ксендзъ запѣлъ, пѣніе подхватилъ хоръ дѣтскихъ голосовъ, и въ воздухѣ поплыла печальная мелодія.

Процессія миновала рыночную площадь и свернула въ одну изъ боковыхъ улицъ, вытянувшись длинной змѣей, у которой, казалось, не было ни конца, ни начала.

Лавриновичъ почти насильно усадилъ старушку въ экипажъ и помѣстился рядомъ съ нею. Адамъ и Влодарскій шли за гробомъ. И Юзвицкій видѣлъ, какъ люди, несущіе гробъ, почти насильно были смѣняемы все новыми и новыми лицами, которыя, какъ величайшей чести, добивались возможности возложить на свои плечи останки усопшаго; были среди нихъ рабочіе, и крестьяне, и интеллигенты, и евреи...

— Какъ много народу собралось—шепнулъ Адамъ.

— Потому что никто не остался дома, всѣ здѣсь. Сегодня даже фабрика не работаетъ!—пояснилъ Влодарскій.

— Какіе, однако, здѣсь хорошіе люди!

— Хорошіе! Люди всегда хороши по отношенію тѣхъ, кто ихъ любитъ. Есть исключенія, но это нравственные уроды. Собравшаяся здѣсь толпа является выразительницей не силы своихъ чувствъ, но возвышенности души усопшаго. Онъ обо всѣхъ думалъ, всѣхъ любилъ, поэтому всѣ пришли отдать ему послѣдній долгъ. Вотъ теперь наша фабрика шлетъ ему прощальный привѣтъ.

Процессія двигалась ужъ по загородному шоссе, и вскорѣ вдали показались красныя въ могилу, крѣпко зажалъ въ рукѣ, пораженный видомъ молодого рабочаго, съ блѣднымъ, взволнованнымъ лицомъ, который, помѣстившись рядомъ съ ксендзомъ и прижавъ къ груди шапку, сталъ говорить звонкимъ, яснымъ голосомъ надгробную рѣчь.

Въ первую минуту Юзвицкому показалось, что онъ знаетъ, видалъ ужъ когда-то этого рабочаго и слыхалъ его голосъ, до того онъ былъ похожъ на рабочую массу, съ которой Адаму приходилось ежедневно встрѣчаться у себя на фабрикѣ. Ахъ, какъ хорошо ему знакомы ихъ коренастыя фигуры, ихъ жесткія, мозолистыя руки, часто исковерканныя, изуродованныя машинами; какъ знакомы ихъ темныя, закоптѣлыя лица, ихъ грубыя черты, ихъ безжизненные, невеселые глаза, ихъ угрюмое молчаніе и ревъ взбѣсившагося звѣря. Много перевидалъ онъ ихъ брата, сталкивался онъ и съ покорностью ихъ, и съ лестью, и съ хитрыми увертками, и съ пьянымъ задоромъ, и съ открытымъ противодѣйствіемъ, всего насмотрѣлся, и поэтому не любилъ онъ ихъ и боялся.

кирпичныя стѣны фабричныхъ зданій и бѣлые домики рабочаго поселка. И только лишь печальный кортежъ поровнялся съ фабрикой, какъ изъ трубъ ея заклубился паръ, загудѣли гудки, раздались свистки, зазвонили колокола, и изъ воротъ высыпала толпа дѣтей и женщинъ съ охапками ельника въ рукахъ. Они присоединились къ процессіи и двинулись впередъ, посыпая дорогу еловыми вѣтвями.

А Юзвицкій все шелъ и шелъ, по рытвинамъ, по грязи, по лужамъ, не замѣчая неудобствъ пути и не чувствуя усталости. Отъ волненія у него кружилась голова и замирало въ груди сердце.

Но вотъ показалось ужъ кладбище, утопающее въ зелени кресты, часовня, домикъ могильщика. Уныло загудѣлъ колоколъ, призывая къ себѣ того, кто направляется къ мѣсту вѣчнаго упокоенія.

Наступила минута послѣдняго прощанія. Когда гробъ поставили на краю зіяющей могилы, несчастная мать застонала, припала къ крышкѣ гроба и цѣловала ее, обливая слезами. И вдругъ, словно вихрь пронесся надъ толпою, изъ тысячи грудей вырвался стонъ и потрясъ воздухъ; послышались рыданія.

Адамъ Юзвицкій вздрогнулъ. Онъ бывалъ на богатыхъ похоронахъ, видалъ пышныя процессіи, но никогда не слыхивалъ стона, сотрясающаго одновременно тысячи грудей, даже не допускалъ возможности чего-либо подобнаго.

Лавриновичъ шепнулъ что-то старушкѣ и помогъ ей встать на ноги. Затѣмъ онъ сдѣлалъ знакъ людямъ, указывая имъ глазами мать усопшаго, и, какъ по мановенію волшебнаго жезла, толпа стихла, прекратились рыданія и лишь изрѣдка изъ кучки сбившихся женщинъ вырывалось тихое всхлипываніе. Гробъ опустили въ могилу, ксендзъ окропилъ его святой водой и сказалъ рѣчь. Это былъ молодой человѣкъ съ энергичнымъ лицомъ и кроткими глазами.

— Братья! — началъ онъ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ, который по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, крѣпъ и становился увѣреннѣе. Вотъ мы опустили въ могилу того, кто всѣмъ сердцемъ возлюбилъ насъ. Что бы я вамъ ни сказалъ про него, все будетъ пустымъ, безжизненнымъ звукомъ въ сравненіи съ его дѣлами. А ихъ всѣ вы видѣли. Нѣтъ среди васъ такихъ, которые бы не знали его отцомъ, не благословляли его имени и не оплакивали бы теперь. И вотъ оставилъ насъ онъ, возлюбившій насъ всѣмъ сердцемъ, но ошибается тотъ, кто думаетъ, что совсѣмъ ушелъ онъ отъ насъ. Нѣтъ, онъ вѣчно будетъ жить среди насъ въ дѣлахъ своихъ, въ посѣянныхъ имъ мысляхъ въ умахъ его учениковъ, въ пробужденныхъ имъ чувствахъ въ нашихъ сердцахъ. Потерявъ его, мы осиротѣли, но онъ оставилъ намъ богатое наслѣдство, и если мы воспользуемся имъ, любя то, что онъ любилъ, служа тому, чему онъ служилъ, и по мѣрѣ силъ подражая ему, то онъ вѣчно будетъ жить въ сердцахъ нашихъ, воскресая въ дѣлахъ нашихъ. Да будетъ легка ему земля, которую онъ такъ сильно любилъ!

Голосъ ксендза оборвался. Онъ нагнулся надъ могилой и бросилъ на гробъ горсть земли.

Юзвицкій также взялъ въ руку немного песку, но вмѣсто того, чтобы бросить его

Когда собравшаяся толпа рабочихъ выдѣляла изъ своей среды оратора, Юзвицкаго обыкновенно охватывала тревога и онъ инстинктивно хватался рукою за карманъ съ револьверомъ. И теперь видъ оратора рабочаго въ первую минуту привелъ его въ ужасъ, но вскорѣ это впечатлѣніе разсѣялось.

ально сообщается, что американская миссія въ Токіо возведена въ посольство.

КОБЕ. 30 октября. Первая партія русскихъ плѣнныхъ выѣхала вчера во Владивостокъ.

ЛОНДОНЪ. Между германскимъ генераломъ губернаторомъ и китайскимъ губернаторомъ Шандунской области заключено важное соглашеніе, въ силу котораго городъ Ко-Оми будетъ очищенъ нѣмцами въ шестимѣсячный срокъ и Кія—Очао до января. Германскія войска будутъ выведены изъ Цзинцао и отправлены обратно въ Германію, послѣ чего арендованныя Германіей земли и желѣзныя дороги отойдутъ обратно къ Китаю. Послѣдній пріобрѣтетъ въ собственность зданіе казармъ гарнизона, въ Ко-Оми. Это зданіе будетъ отведено подъ школу. Всѣ германскія почтовыя отдѣленія на Шандунскомъ полуостровѣ будутъ переданы Китаю.

БЕРЛИНЪ. 30 октября. Вечеромъ германскій король отбылъ.

Получены 1 ноября въ 8 час. утра.

ТИФЛИСЪ. 31 октября. Поѣзда, везущіе войска въ Гурію, задерживаются рабочими.

ТАМБОВЪ. 31 октября. Въ городѣ спокойно. Вечеромъ въ квартирѣ одного желѣзнодорожнаго конторщика, при его отсутствіи разорвалась бомба. Убитъ ребенокъ и тяжело ранена дѣвушка. Конторщикъ скрылся. Въ уѣздахъ кирсановскомъ и борисоглѣбскомъ аграрныя движенія, сопровождающіяся поджогами, грабежомъ и насиліями. Администрація и войска принимаютъ энергичныя мѣры. Въ большинствѣ случаевъ виновные арестуются. Разграбленное имущество возвращается. Вооруженные агитаторы балашовскаго уѣзда насильственно заставляютъ крестьянъ примыкать къ грабителямъ. Губернія объявлена на положеніи усиленной охраны.

АСТРАХАНЬ. 31 октября. Занятія въ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ семинаріи, возобновляются. 1 ноября въ городѣ полное спокойствіе.

КРОНШТАДТЪ. 31 октября. Городъ спокоенъ. Аресты виновныхъ въ безпорядкахъ продолжаются. Во Владимирскомъ соборѣ церковнымъ сторожемъ найденъ большой складъ украденныхъ во время погрома вещей.

БАКУ. 31 октября. Въ городѣ спокойно Генералъ-губернаторъ отмѣнилъ запрещеніе выходить послѣ восьми часовъ вечера.

БЫХОВЪ. 31 октября. Слухи о еврейскомъ погромѣ невѣрны. Евреи успокаиваются.

САРАТОВЪ. 31 октября. Настроеніе въ городѣ тревожное. У губернатора состоялось совѣщаніе съ городскимъ головой и предсѣдателемъ губернской управы по выработкѣ мѣръ для обезпеченія спокойствія.

ЛОДЗЬ. 31 октября. Состоялся митингъ слесарей, кузнецовъ и рабочихъ металлургическихъ фабрикъ, на которомъ постановлено продолжать забастовку. Въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ вывѣшены объявленія о томъ, что по распоряженію попечителя округа занятія прекращаются впредь до особаго объясненія въ газетахъ. Продолжающаяся забастовка на здѣшнихъ фабрикахъ и желѣзныхъ дорогахъ окончательно подрываетъ благосостояніе всѣхъ классовъ и грозитъ здѣшней промышленности полнымъ разореніемъ.

ХАРЬКОВЪ. 31 октября. Масса семействъ оставляютъ городъ, выѣзжая заграницу на время, пока уляжется смута.

ТИФЛИСЪ. 31 октября. Усиленная охрана снята. Многолюдный митингъ мѣстной соціалъ-демократической партіи, при участіи всѣхъ мѣстныхъ политическихъ партій, принялъ резолюцію, требующую немедленнаго удаленія войскъ изъ Гуріи и снятія военнаго положенія въ кутаисской губерніи.

БРЕСТЪ-ЛИТОВСКЪ, 31 октября. Опасенія еврейскаго погрома благодаря самообоpонѣ и полиціи устранены.

КАЗАНЬ. 31 октября. Хотя здѣсь, повидимому, водворяется нѣкоторое спокойствіе и съ университета снята войсковая охрана, тѣмъ не менѣе по городу ходятъ всевозможныя невѣрныя слухи, чему способствуетъ отсутствіе газетъ, которыя вслѣдствіе забастовки наборщиковъ не выходятъ уже двѣ недѣли.

Театръ и музыка.

Бойкотъ могилевскаго театра.

Въ наше время всевозможнаго рода бойкоты не новость, но бойкотированіе тружениковъ сцены, а главное, тѣ причины, которыя вызвали этотъ бойкотъ у насъ, въ Могилевѣ, представляются совершенно исключительными и, въ своемъ родѣ единственными.

Могилевское городское управленіе, въ лицѣ городской думы, вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу удовлетворенія эстетическихъ и художественныхъ запросовъ своихъ гражданъ, всячески, повидимому, тормазитъ такого рода благія начинанія въ этой области.

Присоединяясь всецѣло къ заявленію редакціи могилевскихъ вѣдомостей о томъ, что крайне неудобно и весьма нежелательно представителю названной редакціи быть въ какой бы то ни было зависимости отъ антрепренера городского театра, или отъ арендатора его въ отношеніи пользованія мѣстомъ въ театрѣ, какъ это принято во всѣхъ другихъ благоустроенныхъ городахъ, нельзя, однако, примириться въ тоже время и съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ очутилась труппа драматическихъ артистовъ г. Нечая теперь, а впослѣдствіи можетъ очутиться и всякая другая труппа.

Каждому, знающему артистическій міръ, извѣстно, что замалчиваніе мѣстной прессой сценической дѣятельности артистовъ, на какой бы высотѣ эта дѣятельность не находилась, для нихъ оскорбительно.

«Ругайте, но не замалчивайте», нерѣдко можно слышать даже отъ выдающихся артистовъ.

Въ данномъ же случаѣ, такая нравственная пощечина наносится артистамъ совершенно незаслуженно и несправедливо, благодаря лишь инертному отношенію городского самоуправленія къ духовнымъ нуждамъ жителей въ области искусства.

Кто же къ намъ, послѣ этого, пріѣдетъ.

Наконецъ, при подобномъ положеніи дѣла, страдаетъ не только труппа, но и читатели Могилевскихъ Вѣдомостей, любящіе сценическое искусство и интересующіеся имъ, но лишенные возможности слѣдить за состояніемъ его въ Могилевѣ.

Выходитъ, что «паны дерутся, а у мужиковъ чубы трясутся!»

Правда, въ заявленіи редакціи было, между прочимъ, сказано, что отзывы о дѣлахъ городского театра прекращаются печатаніемъ еще и потому, что «любительскія разнорѣчивыя замѣтки о немъ едва-ли удовлетворяли читателей», но это только «по видимому», а въ сущности съ такимъ взглядомъ едва ли можно согласиться, исходя изъ слѣдующихъ соображеній.

Во-первыхъ, „изъ споровъ, какъ извѣстно, рождается истина“.

Во-вторыхъ, «умъ хорошъ, а два лучше».

Въ-третьихъ, наконецъ, „лучше что нибудь для читателей, чѣмъ ничего“.

Н. П. Яспопольскій.

Отъ редакціи. «Бойкотомъ» театра мы не занимаемся, но не можемъ ничего писать о труппѣ съ чужихъ словъ и ждемъ времени, когда у представителя печати будетъ мѣсто въ театрѣ не отъ антрепренера или отъ содержателя театра, а отъ владѣльца театра—городскаго управленія.

СМѢСЬ.

Мелочи современной жизни.

Жена набрасывается на мужа:

— Это на какомъ же основаніи женщинъ не хотятъ допустить въ Государственную Думу?

— Гм?!.. Не удобно, надо полагать. Вы все-таки слабыя созданія, а этотъ трудъ, особенно первое время, потребуетъ огромной затраты силъ.

— Трудъ! Затрата силъ...! Да неужели ты думаешь, что у насъ не хватитъ силъ, чтобы надавать оплеухъ такимъ мокрымъ курицамъ, какъ ты, напримѣръ?...

Редакторъ **Н. Озеровъ**

Виленское окружное интендантское управленіе симъ объявляетъ, что 2 ноября сего года въ присутствіи Виленскаго военно-окружнаго совѣта (въ зданіи окружнаго интендантскаго управленія, уголъ Закретной и Объѣздной улицъ) будутъ произведены, независимо торговъ по Минской губерніи, также торги изустные и по запечатаннымъ объявленіямъ на поставку въ Двинскіе №№ 1 и 2-й, Рижскій, Усть Двинскій, Либавскій, Митавскій, Витебскій и Бобруйскій магазины ржи и муки въ потребность 1905 года, о количествѣ продуктовъ, которые будутъ предъявлены къ торгамъ и о срокахъ поставки желающія торговаться могутъ освѣдомляться въ окружномъ интендантскомъ управленіи гдѣ можно видѣть и кондиціи на поставку провіанта.

Виленское окружное интендантское управленіе симъ объявляетъ, что 9 ноября сего года въ присутствіи Виленскаго военно-окружнаго совѣта (въ зданіи окружнаго интендантскаго управленія уголъ Закретной и Объѣздной ул.), будутъ производиться вторые торги изустные и по запечатаннымъ объявленіямъ на поставку въ потребность 1906 года ржи, муки, крупы гречневой и пшенной и овса для магазиновъ и прямо въ части войскъ, расположенныхъ въ Виленской губерніи; о количествѣ продуктовъ, которые будутъ предъявлены къ торгамъ и о пунктахъ и срокахъ поставки, желающія торговаться могутъ освѣдомляться въ окружномъ интендантскомъ управленіи, гдѣ можно видѣть и подробныя кондиціи на поставку провіанта и овса. 3—1

Виленское окружное Интендантское управленіе объявляетъ, что 7-го ноября сего года въ присутствіи Виленскаго Военно-Окружнаго Совѣта (въ зданіи окружнаго интендантскаго управленія уголъ Закретной и Объѣздной улицъ) будутъ производиться вторые торги изустные и по запечатаннымъ объявленіямъ на поставку въ потребность 1906 года ржи, муки крупы гречневой, пшенной и овса для магазиновъ и прямо въ части войскъ квартирующихъ въ Ковенской губерніи; о количествѣ продуктовъ, которые будутъ предъявлены къ торгамъ и о пунктахъ поставки, желающіе торговаться могутъ освѣдомляться въ окружномъ интендантскомъ управленіи, гдѣ можно видѣть и подробныя кондиціи на поставку провіанта и овса.

— Братья и товарищи, и всѣ собравшіеся здѣсь, какъ одна семья, люди, богатые и бѣдные! Помните ли вы, что было здѣсь пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда мы, гонимые промышленнымъ кризисомъ, забрели сюда съ разныхъ концовъ свѣта? На фабрикѣ работали нѣмцы, въ деревнѣ жили русины, а мѣстечко населили евреи, и всѣ они ненавидѣли другъ друга, боялись и держались всѣ особнякомъ. Когда среди нихъ появилось насъ пятеро, совсѣмъ чужихъ пришельцевъ, всѣ они встрѣтили насъ съ недовѣріемъ. На фабрику насъ не приняли, изъ деревни гнали, какъ бродягъ, въ мѣстечкѣ всѣ отъ насъ сторонились. Пришлось побираться Христовымъ именемъ, чтобы было съ чѣмъ пуститься въ дальнѣйшій путь.

«Случайно мы зашли къ нему во дворъ, а онъ одѣлилъ насъ царской милостыней.

« По его просьбѣ черезъ нѣсколько дней директоръ взялъ насъ на фабрику на самое ничтожное жалованье. Но не хватало намъ хлѣба, такъ онъ кормилъ насъ, не было одежды, онъ одѣвалъ насъ, нечѣмъ было заплатить за уголъ, онъ принялъ насъ подъ свой кровъ. Одного лишь требовалъ онъ отъ насъ: «Не осрамите меня и не осрамите себя». Съ этого началось. Было насъ тогда пять человѣкъ, а теперь триста семействъ живетъ при фабрикѣ и работаетъ тамъ. И свидѣтель Богъ и вы всѣ, добрые люди, что не осрамили мы ни его, ни себя, а всегда честно работали. Спасибо вамъ, добрые люди, что приняли вы насъ къ себѣ; спасибо администраціи нашей за уменьшеніе рабочихъ часовъ и гигіеническія жилища; спасибо ему за то, что помогъ намъ добиться всего этого! Мы всегда старались слѣдовать его совѣтамъ и указаніямъ и надѣемся, что лица, которыхъ онъ подготовилъ быть его замѣстителями, а нашими руководителями, будутъ свято блюсти его завѣты, въ чемъ охотно мы имъ поможемъ. А чтобы достойнымъ образомъ почтить его память, мы рѣшили изъ своихъ трудовыхъ грошей основать больницу его имени, зная что основаніе ея было его завѣтной мечтой.

— Да будетъ такъ!—прокатилось волной по толпѣ.

Посыпалась на гробъ земля, въ послѣдній разъ прозвучало «Со святыми упокой».

Юзвицкій оглянулся. Лавриновичъ и Влодарскій вели подъ руки его мать. Толпа разступалась, давая имъ дорогу.

Вокругъ оратора-рабочаго толпился народъ. Въ воздухѣ то и дѣло звучали восклицанія: «Возьмите отъ меня», «И отъ меня», «А развѣ я не могу ничего дать?».

— А намъ же вінъ не батько бувъ!—кричалъ какой-то русинъ, протягивая рублевку.

— А развѣ намъ нечего дать?—говорилъ длиннобородый извозчикъ-еврей:

— Всѣ даемъ! Всѣ!—ревѣла толпа.—Берите, Лавриновичъ.

— Зовите на помощь мнѣ Влодарскаго. Мнѣ самому не справиться.

Спустя минуту явился Влодарскій.

И посыпались пожертвованія, серебро и бумажки, и крупныя ассигнованія инженеровъ, помѣщиковъ и другой интеллигенціи, и двугривенные женщинъ, и рублевки евреевъ, крестьянъ и рабочихъ. Всѣ толпились, всѣ давали, а у кого не было денегъ, просили подождать до слѣдующаго дня.

Юзвицкій былъ ошеломленъ.

Сначала Влодарскій хотѣлъ было записывать имена жертвователей и размѣръ пожертвованія, но потомъ отказался отъ этой мысли, такъ какъ слишкомъ много было народу, да притомъ толпа протестовала противъ записи.

— Зачѣмъ эти счеты, къ чему записывать?—раздавались голоса.—Всѣ даемъ... кто сколько можетъ. А не хватитъ, добавимъ.

Тутъ Юзвицкому стало не по себѣ; онъ пробрался къ Влодарскому и сказалъ ему:

— Чего не хватитъ, я добавлю. Вѣдь я же братъ его.

Толпа разступилась, съ любопытствомъ разглядывая его, а какая-то женщина замѣтила:

— Счастье ваше, что Богъ, отнявъ у васъ такого брата, сохранилъ вамъ еще мать.

— Благодарю васъ за пожертвованіе!—сказалъ Влодарскій.

Юзвицкій направился къ выходу.

Смеркалось, и небо заволокли тучи, сталъ накрапывать дождикъ.

Адамъ взялъ перваго попавшагося извозчика и велѣлъ поскорѣе везти себя домой. Его объяла какая-то неясная тревога, хотѣлось поскорѣе увидѣть мать, переговорить съ ней.

Въ сѣромъ сумракѣ вечера домъ матери показался ему еще печальнѣе и невзрачнѣе, чѣмъ утромъ.

Мать онъ засталъ въ столовой въ обществѣ ксендза. Она ихъ познакомила. Обмѣнявшись нѣсколькими ничего не значащими фразами, Юзвицкій вѣжливо предложилъ ксендзу заплатить за требу. Тотъ посмотрѣлъ на него съ упрекомъ и холодно отвѣтилъ:

— Мы урегулировали ужъ счеты съ г-номъ Влодарскимъ.

Воцарилось натянутое молчаніе. Ксендзъ сталъ прощаться и сказалъ на прощанье старушкѣ:

— Итакъ, съ завтрашняго вечера я стану приходить къ вамъ и заниматься съ дѣтьми. Они предупреждены ужъ. А гдѣ докторъ Лавриновичъ?

— Пошелъ къ больнымъ. Вѣдь столько времени они были безъ врачебной помощи.

Оставшись наединѣ съ матерью, Юзвицкій сталъ нервно ходить по комнатѣ. Ему много хотѣлось сказать ей, но онъ не находилъ словъ для выраженія своихъ мыслей.

Наконецъ, онъ сѣлъ рядомъ съ матерью, взялъ ея руку и сталъ нѣжно цѣловать.

— Мама,—сказалъ онъ,—вы знаете, что я богатъ, страшно богатъ! Вся моя семья состоитъ изъ жены и единственнаго сына. Если бы я теперь вздумалъ ликвидировать дѣло, то очистился бы милліонъ. А если я буду продолжать работать, то состояніе мое будетъ все увеличиваться. Я ни въ чемъ себѣ не отказываю, а, однако, я не проживаю и половины своего дохода. Но какъ быть теперь? Я такъ бы хотѣлъ имѣть васъ при себѣ, мама, потому что, при всемъ своемъ богатствѣ, я такъ страшно одинокъ!.. Я только сейчасъ это понялъ... до сихъ поръ я надъ этимъ не задумывался... я такъ одинокъ, потрепанъ жизнью, измученъ работой. Ахъ какъ бы я былъ счастливъ, если бы мама согласилась жить со мной! Вѣдь я не виноватъ, что до сихъ поръ было такъ! Если бы я только зналъ, если бы могъ допустить мысль...

Онъ смутился и замолчалъ, ибо совѣсть говорила ему, что онъ сильно виноватъ.

— Теперь мама ужъ моя... отнынѣ мы будемъ вмѣстѣ...—Онъ съ тревогой посмотрѣлъ на нее, не зная, говорить ли то, что у него просилось на языкъ, и наконецъ сказалъ:—Теперь мы, мама, осыплемъ золотомъ это мѣстечко въ благодарность за его чувства по отношенію Казиміра. Все, что имъ нужно, вы имъ дадите, мама: школу, больницу, пріютъ, ясли, все, что угодно! У меня хватитъ на это денегъ. Я ничего не пожалѣю для нихъ, но матери я имъ не отдамъ. Мама теперь моя... не правда ли? Вѣдь не могу же я вамъ позволить жить въ этой развалинѣ, среди этого хлама, въ нуждѣ...

— О, не говори такъ, Адамъ, не говори! —прервала его мать.—Неужто ты серьезно воображалъ, что я покину все это? Для тебя это развалина и хламъ, а для меня любимое гнѣздо, сокровища и идеалы наши. Я всегда чувствовала себя здѣсь такой счастливой и богатой... а теперь... Боже мой... теперь все это... я вѣдь только потому и пережила его, только потому мое сердце и не разорвалось отъ боли и отчаянья, что, я какъ мать его, чувствую себя обязанной охранять его завѣты. Здѣсь остались его духъ, его мысли, его идеалы, его работа, останусь здѣсь и я. Здѣсь только и могу я жить. Не говори такъ, не говори! Если бы ты зналъ, какъ мнѣ больно слушать, что ты такой посторонній. Мнѣ жаль тебя.

— Правда, я тутъ посторонній, правда! Мнѣ не понять этого, мнѣ больно видѣть васъ въ такой обстановкѣ. Ужъ если вы не хотите уѣхать отсюда со мной, то по крайней мѣрѣ я устрою здѣсь для васъ уютное гнѣздышко, окружу васъ комфортомъ и буду пріѣзжать навѣщать васъ. Хорошо, мама?

Онъ опустился на колѣни и, глубоко растроганный, молилъ ее.

А старушка качала головой и твердила свое:

— Нѣтъ, Адамъ, нѣтъ, Я останусь тутъ въ прежней обстановкѣ. Развалина эта переживетъ меня, хламъ мой мнѣ дорогъ! И денегъ твоихъ я не возьму... Все, что здѣсь есть, все, что меня окружаетъ, это наслѣдство Казя... Мнѣ все тутъ дорого и ничего я не позволю измѣнить. Тебѣ это кажется убожествомъ, потому что ты избалованъ роскошью. Если бы ты увидалъ жилища и обстановку работающихъ на тебя рабочихъ, если бы ты испыталъ настоящую нужду, если бы ты имѣлъ понятіе о жизни бѣдняковъ, ты не грѣшилъ бы, называя мою жизнь жалкой и полной лишеній. Я живу припѣваючи: сыта, одѣта, обута, сижу въ теплѣ, имѣю время и возможность читать, а заболѣю, могу лежать и не работать сколько угодно; надо мною не виситъ дамокловымъ мечомъ страхъ, что вотъ, вслѣдствіе кризиса, сокращенія производства или же изъ-за каприза старшихъ я могу очутиться на улицѣ... Я богата! Послушай, ты предлагалъ мнѣ израсходовать для меня тысячи здѣсь, израсходуй ихъ ради меня лучше тамъ. Расходуй ихъ тамъ, думая обо мнѣ, и тогда мы всѣ трое будемъ вѣчно вмѣстѣ. И пока я жива, пріѣзжай сюда ко мнѣ, пріѣзжай почаще, а когда я умру, положи меня рядомъ съ Казиміромъ и не пренебрегай этимъ хламомъ, а подари его тому, кто у тебя его попроситъ, потому что, видишь ли, этотъ хламъ это... это... мое богатство!..

Она не могла говорить больше отъ душившихъ ее слезъ; глухое рыданіе вырвалось изъ ея наболѣвшей души.

Тутъ открылась дверь и въ комнату вошли Лавриновичъ и Влодарскій въ сопровожденіи двухъ фабричныхъ мастеровъ. Послѣдніе несли въ рукахъ два красныхъ платка, наполненныхъ деньгами. Положивъ на столъ свою ношу, они подошли къ старушкѣ, поцѣловали ей руку, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Вотъ собранныя деньги. Спрячьте ихъ и распоряжайтесь ими. А мы ужъ постараемся сдѣлать все, что только отъ насъ зависитъ. Мендель Сысель обѣщалъ дать лѣсъ для больницы, Рудницкій даетъ сто тысячъ кирпичей, мужики даромъ свезутъ ихъ, а мѣщанинъ Тарасъ Буръ жертвуетъ свою землю— пустошь за мельницей. Становой обѣщалъ выхлопотать нужныя бумаги, а мастера за полцѣны будутъ работать. Только бы Господь Богъ далъ вамъ здоровья.

Старушка силой воли подавила охватившее ее волненіе, а другой мастеръ добавилъ:

— Вѣдь вы останетесь съ нами?

— Останусь, дѣточки, останусь! Не покину васъ.

— Значитъ, вечеромъ можно будетъ прислать ужъ дѣтей на занятія?

— Съ завтрашняго дня присылайте ихъ снова. Покамѣстъ ксендзъ будетъ заниматься съ ними.

— А потомъ я,—вмѣшался въ разговоръ Лавриновичъ.—Дайте только мнѣ устроиться съ больными.

— Ну, мы бы васъ отсюда не выпустили,—сказалъ мастеръ Юзвицкой, искоса поглядывая на Адама.

— Спасибо вамъ за все: и за похороны, и за любовь вашу,—начала было старушка и оборвала. Слезы душили ее. Она только сердечно обняла ихъ обоихъ, а они глубоко растроганные, поцѣловали ее въ руку и поспѣшно вышли.

— Это они устраивали похороны,—пояснилъ Адаму Влодарскій.—Ну можно ли имъ предложить въ награду деньги?

Тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, вы примите мое пожертвованіе на больницу, —волнуясь, произнесъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Начнемъ покамѣстъ собственными средствами, а не хватитъ, такъ обратимся къ вамъ.

— Навѣрно хватитъ,—со злобой произнесъ Юзвицкій.

Онъ чувствовалъ себя такимъ ничтожнымъ, чужимъ, ненужнымъ, безпомощнымъ, и сердце его наполнилось горечью, онъ былъ обиженъ на мать, ревновалъ ее къ брату. И показалось ему, что когда-то, много лѣтъ тому назадъ, родители, дѣлясь дѣтьми, жестоко обидѣли его: по какому праву они дали ему милліоны, а тому—мать? А у него не было матери и не будетъ ужъ никогда, ибо «тотъ» и за гробомъ владѣетъ ею... «тотъ», собственникъ хлама.

Этотъ номеръ отданъ на почту и разносчикамъ 1 ноября въ 2 ч. 30 м. дня.

Дозволено цензурою 31 октября, 1905 г.

Типографія Губ. Правленія гор. Могилевъ губ.